
РЕЦЕНЗІЇ

В. Н. Абашина. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения: Монография / Министерство образования и науки Украины; Львовский национальный университет имени Ивана Франко. — Львов: Издательский центр ЛНУ имени Ивана Франко, 2006. — 344 с.

Книга В. Н. Абашиной, посвященная исследованию проблемы актуального членения сложного предложения, представляет собою исследование интегративного характера, плодотворно соединяющее достижения системоцентрической научной парадигмы, ставшей уже традицией, с разысканиями новейшей — когнитивной — парадигмы. В книге представлен, прежде всего, фундаментальный анализ собственно лингвистической и психолингвистической платформ, с высоты которых становятся возможными когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к сложному предложению, которое позиционируется автором как специфическая единица не только структурно-грамматической, но также когнитивно-семантической и коммуникативно-прагматической организации.

Монография В. Н. Абашиной состоит из введения, пяти разделов и заключения; она снабжена списком использованной литературы, насчитывающим 285 позиций (в том числе 44 работы автора); содержит именной указатель исследователей, чьи теоретические положения так или иначе представлены в книге, а также предметный указатель понятий и терминов, используемых автором для презентации проблемы и обоснования выдвинутой концепции.

Первый раздел “Актуальное членение: история и персоналии. Идеи и результаты” (с. 17-53) знакомит с историей изучения актуального членения в отечественном и зарубежном языкознании, определяя место теории АЧ в системе лингвистических знаний и характеризуя основные направления в его исследовании. Первое направление, с которого началось систематическое исследование АЧ, В. Н. Абашина связывает с наиболее отчётливым выражением идеи о связи АЧ как коммуникативно-речевого феномена с формально-грамматическими показателями структуры предложения (А. Вейль, В. Матезиус, П. Адамец, Д. Н. Шмелёв, О. А. Лаптева, И. П. Распопов, И. И. Ковтунова, Т. М. Николаева, Н. Д. Арутюнова, О. А. Крылова, П. Сталл, некоторые другие учёные). Уже в рамках этого направления, дискутируя о природе АЧ, лингвисты стали выделять основные и дополнительные языковые средства его выражения, в том числе порядок слов и фразовое ударение, создавать и развивать его понятийно-терминологический аппарат и метаязыковое обеспечение. Второе направление автор связывает с теориями, акцентирующими внимание в изучении феномена АЧ на динамизме коммуникативного акта, его функциональной перспективе, градуальности (Я. Фирбас, М. Ю. Федосюк, Е. Е. Рунова, Т. Е. Янко). Затронуты также и перспективы новых пониманий АЧ.

Во втором разделе “Актуальное членение в психолингвистической парадигме” (с. 54-110) В. Н. Абашина поднимает вопрос о когнитивных началах АЧ, подробно описывая систему взаимосвязей лингвистики и психологии в сфере функционально-коммуникативного синтаксиса. Закономерно, что чрезвычайно важными в исследовании данного аспекта АЧ являются идеи Г. Габеленца о психологическом субъекте, объекте и предикате, Г. Штейнталя об универсальном порядке слов, А. А. Потемни о языке как деятельности и средстве создания мысли, а также двучленности акта мысли-речи, Е. С. Кубряковой о моделях порождения речи, Г. В. Колшанского о предложении как молекуле коммуникации, дискретной языковой единице, А. А. Леонтьева, И. П. Сусова, В. А. Звегинцева о причастности АЧ к процессу обязательного расчленения дискретного речевого потока.

Автор монографии утверждает, что “наблюдающаяся кардинальная смена исследовательской парадигмы, выход на ведущие позиции когнитивных и прагматических аспектов исследования

языка, предполагающих интеграцию синтаксической, семантической и прагматической информации, представляет реальную возможность также и на актуальное членение посмотреть с неграмматической точки зрения, ... вернуть изучение этого феномена в изначальное психолингвистическое русло” (с. 76). В монографии приводятся примеры такого подхода, имевшего место в лингвистике (Е. А. Реферовская, Л. В. Сахарный, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина, И. М. Богуславский, Т. Е. Янко), и упоминаются случаи использования психолингвистических методик в толковании природы АЧ авторитетными учёными (Л. В. Щерба, А. В. Гвоздев, Д. Слобин).

В. Н. Абашина разделяет мнение лингвистов, отрицающих существование строгих корреляций между синтаксическими членами предложений и их коммуникативными функциями, однако признаёт такие корреляции при взаимодействии компонентов коммуникативной структуры с собственно семантическим материалом высказывания. Так, функцию рематизаторов исследователь усматривает у подавляющего большинства русских наречий и частиц. Правомочность утверждений относительно психолингвистической природы АЧ подтверждается, по мнению автора монографии, значимостью в функционировании данного феномена фактора человека мыслящего и говорящего, фактора ситуации, фактора контекста, влияющих на выбор определённого варианта выделения темы и ремы высказывания.

Во втором разделе В. Н. Абашина представляет дефиниции ключевых понятий АЧ. Так, само *актуальное членение* учёный рассматривает как *неизбежный для всякого речевого действия (коммуникативного акта) процесс рангового квантирования вербализованной при реческазывании ментальной информации* (с. 103). *Тема* рассматривается как *исходный блок сообщения, то, что уже существует в сознании говорящего в виде ментального образа* (с. 105), а *рема* — как *приписываемое в процессе когнитивной обработки фрагмента действительности конкретное предикативное свойство уже вербализованному в теме ментальному образу* (с. 109). Учитывая психолингвистическую природу АЧ, автор монографии признаёт возможность существования темы не только реальной, но и виртуальной (с. 107), как, между прочим, и имплицитного, латентного вопроса, который в повествовательном дискурсе мог бы поставить перед автором (рематического) высказывания виртуальный адресат.

Третий раздел “Сложное предложение как когнитивная структура” (с. 111-150) посвящён изучению когнитивных потенций сложных предложений, проблемам когнитивной интерпретации предметной ситуации посредством сложных предложений. Здесь приводится ряд аргументов, доказывающих на примере функционирования сложных предложений наличие в русской языковой картине мира корреляций между феноменологическими и лингвистическими когнитивными структурами. В. Н. Абашина убеждена, что “в когнитивном потенциале именно сложного предложения заложена способность вербализовать обнаруженные в процессе мышления отношения зависимости между событиями” (с. 114).

В синтаксисе в разное время по-разному рассматривался вопрос о соотношении сложного предложения и простых предложений, составляющих его. По мнению автора монографии, последовательность простых предложений и сложное предложение представляют собой “принципиально отличающиеся когнитивные структуры, ибо репрезентируют далеко не однопорядковый уровень знаний о мире” (с. 121).

Вполне закономерно, что позиции автора рецензируемой работы во многом опираются на фундаментальное учение о речевых актах Т. А. ван Дейка, на коммуникативно-синтаксический подход к изучению сложного предложения Н. С. Поспелова, Д. И. Изаренкова, В. А. Белошапковой, а также на некоторые наблюдения М. М. Бахтина над стилистическими особенностями сложного и последовательности простых предложений. В то же время привлекает внимание корректность и деликатность исследователя в дискуссионных позициях — при неуклонной стратегической последовательности в утверждении собственных концептуальных положений (см., например, обсуждение проблемы АЧ в сложносочинённых предложениях: с. 174-179).

Глубокими являются наблюдения над особенностями АЧ в структурно отличающихся сложных предложениях (СП): СП минимальной и усложнённой конструкций, в том числе в периоде, в сложносочинённом, сложноподчинённом и бессоюзном предложениях. Так, в общепропозитивной структуре сложноподчинённого предложения (СПП) пропозиции главной части присущ собственно событийный характер, именно она, описывая определённую денотативную ситуацию, предназначена для актуализации в коммуникативном акте, то есть является “канони-

ческой” ремой. Именно главная часть чаще всего содержит ассерцию, ассертивный компонент предложения. Пропозиция же придаточной части обычно не предполагает коммуникативной актуализации, вследствие чего становится отправной точкой, “канонической” темой сложного предложения. В этой части чаще всего имеется пресуппозиция, пресуппозитивный компонент, который остаётся неизменным при замене утвердительной ассерции отрицательной и наоборот. Напр.: *Если он даёт их больше, // они восприниматься не могут* (Н. Берберова) — Ср.: * *Если он даёт их больше, // они восприниматься могут.*

Самым большим по объёму является четвёртый раздел “Теория актуального членения и сложное предложение: коммуникативно-прагматический подход” (с. 151-272). Здесь автор систематизирует основные способы актуализации коммуникативно-прагматической информации в СП минимальной конструкции: сложносочинённом (ССП), сложноподчинённом (СПП), бессоюзном (БСП). В. Н. Абашина замечает, что полипредикативность СП предопределяет его полипропозитивность, в то же время “актуальное членение может осуществляться только там, где есть событие, денотативная ситуация, представленная *отдельной* [выделено нами. — Л. Г., Е. С.] коммуникативно релевантной пропозицией” (с. 165-166). Логико-семантическая структура предложения находится в постоянном взаимодействии с коммуникативной перспективой высказываний, реализующихся в конкретных типах АЧ (с. 171). Таким образом, любое СП вариантно с точки зрения выделения элементов его коммуникативной перспективы.

Изучив значительное количество сложносочинённых, сложноподчинённых и бессоюзных сложных предложений, В. Н. Абашина приходит к ценным для теоретической и прикладной лингвистики выводам об особенностях коммуникативной организации СП.

Так, результаты наблюдений учёного свидетельствуют о том, что в русском языке имеются два коммуникативных типа ССП с присущими каждому из них коммуникативными возможностями. Среди предложений канонического типа (реально и формально полипропозитивных) имеются такие, в которых представлена коммуникативная однотипность, когда каждая часть расчленена на тему и рему (*В городе у него // была уйма дел, но делами он // не мог заниматься* (В. Набоков)), нерасчленённые высказывания с комплексной ремой (*Столо лето Керенского, и заседадо лимонадное правительство*), предложения с другими разнообразными комбинациями типов АЧ. Предложениями неканонического типа автор считает ССП разделительные с отношениями взаимоисключения, в том числе и такие, в которых наблюдается ситуация неопределённости выбора. Они формально имеют несколько пропозиций, каждая из которых соотносится с отдельной денотативной ситуацией; однако “конститутивно важным оказывается то, что в представлении говорящего эти денотативные ситуации ... остаются неопределёнными в плане их осуществления, поскольку в целом восходят к некоторому ментальному образу ситуации, формально не соотносимому ни с одним из чередующихся событий” (с. 184). Напр.: *Не то русский мальчик, играющий в свайку, не то итальянский Иоанн Креститель с чуть заметной горбинкой на тонком носу* (О. Мандельштам). В монографии имеются результаты некоторых наблюдений над особенностями АЧ в ССП не только открытой, но и закрытой структуры, однако детального анализа конструкций закрытого типа с позиций АЧ мы, к сожалению, не находим.

Конституирующими при анализе СПП В. Н. Абашина считает отличия между предложениями детерминантного и присловного типа, то есть расчленённой и нерасчленённой структуры. Предложения детерминантного типа имеют две событийные пропозиции, из которых актуализируется, как правило, та, которая находится в главной части. Напр.: *Чтобы увидеть реку, // глаза надо было чуть-чуть приподнять* (Б. Пастернак). *И чем жарче и радостней печёт солнце, // тем холоднее дует из тьмы, из окна* (И. Бунин). На страницах монографии представлены доводы, способные убедить в том, что в СПП с присловной связью содержание главной части представляет собой ассертивный компонент общепропозитивного значения (рему), а содержание придаточной части — предпосылку суждения, речевую пресуппозицию высказывания (тему). Важнейшим приёмом доказательства истинности данного положения В. Н. Абашина не без оснований считает введение в СПП оператора отрицания (с. 204). По нашему мнению, здесь следует говорить как о введении оператора отрицания (в случае утвердительного предложения), так и о его исключении (в случае отрицательного предложения).

Актуализация, введение придаточной части в семантический фокус, допускается, по мнению В. Н. Абашинной, в случаях, когда содержание главной части известно из предшествующего

контекста (с. 225–227). Попутно исследователь замечает, что имеющиеся в ряде СПП заключительные частицы *то, так* служат формальным маркером предполагаемой ремы, показателем границы АЧ, а соотносительное слово *тогда*, введённое в состав главной части местоименно-соотносительных предложений, — маркером тематической функции этой части. Эту же роль в ряде художественных идиостилей выполняет тире, а в парцеллированных конструкциях — точка, отделяющая рему-парцеллят от предшествующей ей темы.

Говоря об АЧ СПП нерасчленённой структуры, автор монографии заявляет, что в этих предложениях, как и в СПП расчленённой структуры, собственно событийной является та пропозиция, с которой соотносится содержание главной части (с. 231), однако на реальном материале В. Н. Абашина показывает значительное разнообразие способов АЧ в присловных СПП. Так, в изъяснительных и прикомпаративных СПП граница АЧ нередко проходит в пределах главной части, а в комплексную рему входит модусный предикат, находящийся в главной части, и диктумная информация, содержащаяся в придаточной части (напр.: *Он // сразу вспомнил, каким был этот мост летом* (В. Набоков). *Хаотичность материала заставляла Юрия Андреевича разбрасываться // ещё больше, чем к этому предрасполагала его собственная природа* (Б. Пастернак). *Но на следующий день // стало ясно, что второй кандидат в хранители архива не годится* (Н. Берберова)). Рематизированный модус изъяснительного предложения может быть выражен целой его главной частью, в то время как тема ограничена придаточной (напр.: *Странно, // что она не стала его умолять не драться* (В. Набоков)). Исследование СПП с присубстантивными придаточными показало, что постпозиция придаточной части “служит средством выражения её рематичного коммуникативного характера”, а “интерпозитивное — тематичного” (с. 245). Ср.: *На носу его // были очки, которых Иван Фёдорович не видывал у него прежде* (Ф. Достоевский). — *Поезд, в который он сел, // был великолепен* (И. Бунин). Несмотря на своеобразие синтаксической структуры местоименно-соотносительных предложений, они тоже имеют несколько вариантов коммуникативной организации. Ср.: *Брюсов // тщательно разбирал то, что ему читали* (В. Ходасевич). — *То, что занимало его мысли, // было неизмеримо важнее* (Г. Газданов). — *Гнев и презрение овладели // той, кого он любил* (В. Ходасевич). В споре с Л. Ю. Максимовым автор монографии приходит к выводу о том, что порядок расположения частей в местоименно-соотносительных предложениях всегда зависит от коммуникативной функции каждой из этих частей (с. 259).

Разнообразие вариантов АЧ бессоюзных сложных предложений В. Н. Абашина связывает, в первую очередь, с особенностями их структурной, интонационной и семантической организации. Учёный усматривает изоморфизм между ССП и БСП открытой структуры в плане организации их коммуникативной структуры. В предложениях же закрытой структуры первая часть содержит в качестве структурно определяющего требующий вербального изъяснения лексический компонент (с. 269). К сожалению, из класса бессоюзных предложений закрытой структуры в монографии детально проанализировано АЧ только в БСП с изъяснительными отношениями между частями. Чаще всего темой в них, подобно СПП с придаточным изъяснительным, становится именная группа первой части, а ремой — нуждающийся в семантическом восполнении предикат первой части и вторая часть СП, которая занимает открытую синтаксическую позицию при изъясняемом компоненте (напр.: *И внезапно оба // почувствовали: что-то не так, — ой не так!* (В. Набоков)).

В последнем, пятом разделе “Сложное предложение как составляющая текста: особенности актуального членения” (с. 273–300) В. Н. Абашина рассматривает АЧ сложного предложения в динамике его функционирования в составе текста. Сравнивая канонические и абсурдные тексты, автор монографии заключает, что в каноническом тексте тема-рематическая прогрессия (последовательное движение информации) происходит вплоть до полного раскрытия темы текста. Абсурдным же становится текст, в котором отсутствует поступательное движение информации, её последовательное развёртывание, что является следствием пренебрежения фактором актуального членения, его игнорирования (с. 280).

При том, что в книге В. Н. Абашиной глубоко и тонко проанализирован весьма солидный корпус специальной литературы, некоторые работы, сопряжённые с темой исследования, оказались вне поля зрения. Такими, в частности, являются работы Е. П. Марченко, рассматривающие АЧ многочастных (полипредикативных; усложнённых) сложных предложений как еди-

ницы текста, а также работы Ю. В. Ванникова и Г. Н. Рыбаковой, посвящённые парцелляции сложного предложения.

Совершенно новым в синтаксисе является анализ актуального членения в текстах разных коммуникативных регистров речи. Этот материал свидетельствует о существовании зависимости между коммуникативным речевым регистром и способом его актуального членения. Так, высказывания генеритивного коммуникативного типа, рассматриваемые как потенциальные афоризмы, являются нерасчленёнными, то есть такими, весь состав которых является ремой. Такие высказывания обычно несут новые знания, передают авторскую оценку некоторой ситуации, описываемой в предшествующем контексте, относительно свободны с точки зрения места расположения в тексте и сопряжены в нём с другими коммуникативными регистрами. Напр.: *Фенечка // хорошела с каждым днём* (репродуктивный регистр). *Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы* (генеритивный регистр); *такая эпоха // наступила для Фенечки* (информативный регистр) (И. Тургенев).

В “Заключении” (с. 301-308) автор обобщает результаты своих разысканий и обозначает перспективы дальнейшего исследования в русистике проблематики, связанной с актуальным членением.

Книга В. Н. Абашиной “Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения” вносит солидный вклад в синтаксическую русистику. Многие вопросы теории СП получили в ней новое, соответствующее уровню современной лингвистики толкование. Так, к решению остро дискуссионного вопроса о единстве, целостности СП (в том числе ССП и БСП открытой структуры) и соотношении его с текстовой последовательностью простых предложений В. Н. Абашина подходит не только с собственно языковых (структурно-семантических, ставших теперь уже общепринятыми и традиционными), но, в первую очередь, с лингвокогнитивных и коммуникативно-прагматических позиций. “Последовательность простых предложений и сложное предложение представляют собой принципиально отличающиеся когнитивные структуры”, ибо репрезентируют разные уровни знаний о мире (с. 121). Референциальное значение сложного предложения, по мнению автора монографии, принципиально отличается от значения ряда простых самостоятельных предложений в тексте; сложные предложения “отражают иной фрагмент действительности, нежели соположенные в ряду простые предложения” (с. 125). Использование же в речевом акте сложного предложения или текстовой последовательности простых предложений определяется интенцией говорящего и его коммуникативно-прагматической установкой (с. 119).

Убедительно заострён вопрос о статусе местоименно-соотносительных сложноподчинённых предложений нерасчленённого типа. Ведь действительно, при том, что выделение этой группы сложноподчинённых предложений Н. С. Поспеловым и его последователями связано со структурно-семантическим подходом, характеристика и внутреннее деление их на подгруппы осуществляется преимущественно по формальному, структурному основанию. А семантическое деление этих предложений на отождествительные, вмещающие и фразеологического типа ставит их в изолированное положение в сравнении со всеми другими семантическими группами сложноподчинённых предложений, хотя на самом деле местоименно-соотносительные сложноподчинённые предложения обладают семантической соотносительностью и с нерасчленёнными, и с расчленёнными конструкциями.

Сложное предложение позиционируется В. Н. Абашиной как единица, которая предназначена не только для презентации ряда денотативных событий и логических пропозиций, и даже не только для выражения отношений между ними, но, главным образом, для того, чтобы показать фокус ментальной релятивной пропозиции, то есть того, что вытекает из отношений, стоит над ними и объединяет их. Это позволяет автору монографии квалифицировать сложное предложение как когнитивную структуру, обеспечивающую доступ к определённой структуре знания и включающую СП в число объектов когнитивной лингвистики. Актуальное же членение является механизмом, регулирующим процесс передачи информации от сознания адресанта к сознанию адресата. Таким образом, и теория АЧ выводится на новый уровень.

Книга хорошо структурирована, а презентация теоретических положений выполнена на интересном, высокохудожественном иллюстративном материале.

Считаем, что монографическое исследование В. Н. Абашиной “Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения” является значительным вкладом в синтаксическую теорию современного русского языка и имеет большое практическое значение для совершенствования филологического образования школьников и студентов, а также компьютерного анализа текста.

Л. Н. Гукова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;

Е. Н. Степанов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.